

Е.А. Болтовская
E.A. Boltovskaya

**КОДИФИКАЦИОННЫЙ СТАТУС ВАРИАНТОВ ФОРМ
ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА**

**CODIFICATION STATUS OF OPTIONS FOR THE NOMINATIVE
PLURAL FORMS OF MASCULINE NOUNS**

В результате сопоставления сведений, извлеченных из грамматических справочников, словарей трудностей русского языка, толковых словарей середины XX – начала XXI в., автор определяет и рассматривает модификации литературной нормы, связанные с нарастанием или сокращением конкуренции дублетных форм множественного числа именительного падежа одушевленных и именительного/винительного падежа неодушевленных нарицательных имен существительных мужского рода. На материале лексикографических источников выявляются и характеризуются такие типы изменений литературной нормы, как устранение вариантности в силу хронологического, стилистического, семантического расхождения дублетных форм (сдвиг старой нормы), вследствие перестановки вариантов в паре (замена старой нормы на новую), а также сохранение конкуренции вариантов. Результаты исследования могут найти применение в нормализаторской практике и кодификаторской деятельности, в преподавании морфологии современного русского литературного языка, стилистики и культуры речи.

Ключевые слова: колебания грамматической нормы, конкуренция вариантов, имя существительное, формы именительного падежа множественного числа нарицательных существительных.

As a result of a comparison of information extracted from grammatical reference books, dictionaries of difficulties of the Russian language, explanatory dictionaries of the middle XX – early XXI century, the author defines and examines modifications of the literary norm related to the growth or reduction of the competition of doublet plural forms of the nominative case of animate and nominative/accusative case of inanimate masculine common nouns. On the material of lexicographic sources such types of changes in the literary norm as the elimination of variation due to chronological, stylistic, semantic divergence of doublet forms (shift of the old norm) due to the rearrangement of options in the pair (replacing the old norm with a new one), as well as maintaining the competition of options are identified and characterized. The results of the study can be applied in normalization practice and codification activities, in teaching of morphology of the modern Russian literary language, stylistics and speech culture.

На современном этапе развития лексикографии становится очевидным весьма неоднородный характер взглядов, касающихся критериев отбора и интерпретации кодификаторами языковых фактов. Для качественной работы составителей словарей необходимо не только теоретическое осмысление феномена литературной нормы в разных ее аспектах (характеристика соотношения понятий «система» – «норма» – «узус», «вариативность» – «вариантность», «инвариант» – «вариант», выделение значимых признаков для классификации вариантов, обоснование критериев нормы, определение оснований для типологии норм, выявление причин и хронологического диапазона сдвига норм и др.), но и выработка стабильных, последовательных параметров оценки нормативности языковых явлений и способов применения этих параметров.

Л.П. Крысин, рассматривая соотношение между языковой системой, литературной нормой и речевой практикой в рамках действия внутриязыковых факторов, указывает на то, что на разных этапах развития языка («эпохи демократизации» и «периоды укрепления языковых традиций») взаимосвязи между этими понятиями могут существенно меняться: «В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Например, характерное для современной речевой практики распространение флексии *-а (-я)* в именительном падеже множественного числа на все более широкий круг существительных мужского рода (*инспектора, прожектора, сектора, цеха, слесаря, токаря* и под.) означает, с одной стороны, что конфликт между системой и нормой разрешается в пользу системы, а с другой, что постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму, и для некоторых групп существительных образование форм на *-а (-я)* оказывается в пределах кодифицированной нормы (и, значит, конфликт между нормой и узусом разрешается в пользу узуса)» [13, 24].

К.С. Горбачевич считает варианты с флексией *-а (-я)* «более жизнеспособными», чем с флексией *-ы (-и)* [6, 183]. С одной стороны, ученый пишет о том, что «общее направление развития языка и следующей за ним переоценки форм здесь как будто очевидно – это все более широкое вхождение и нормативное признание продуктивных форм на *-а (-я)*», а с другой – не может не заметить их стилистическую сниженность: «Большинство новых вариантов на *-а (-я)* остаются функционально ограниченными: ими не следует, например, пользоваться в научной, официальной и тем более в торжественной речи» [7, 188–189]. По его наблюдениям, «в последние годы обнаружился некоторый спад в употребляемости форм на *-а (-я)*, вызванный реакцией на натиск просторечной стихии...» [7, 190]. Сдержать быстрое распространение новых форм в конце 70-х гг. XX в., по мнению ученого, удалось благодаря воздействию таких социальных факторов, как активное вмешательство школы, охранительно-языковая политика, повышение общеобразовательного уровня, рост авторитета книги и литературно-письменной традиции.

Начиная с 90-х гг. XX в. в связи со значительными общественными преобразованиями резко усиливаются тенденция к демократизации языка и тенденция к стилистической нейтрализации литературной нормы, вследствие чего последняя становится менее строгой, более проницаемой для разговорно-просторечных элементов.

Художественная литература как прежний основной источник возникновения и становления новых норм стремительно теряет свои позиции: «К началу XXI века язык СМИ становится эталонным нормотворческим фактором, влияющим не только на формирование нормы современного русского литературного языка, но и на этническую языковую культуру в целом, так как происходит несомненное усреднение, массовизация речевого стандарта» [10, 60].

«XXI столетие вносит не очень существенные изменения в теоретические представления о нормах русского языка, однако значительно меняет сами процессы нормализации языковых средств, кодификацию норм и деятельность кодификаторов», – утверждает А.Ю. Константинова, ссылаясь на то, что противоречия в этой сфере затронули и прежний корпус уважаемых источников (медиаречь вместо художественных текстов), и традиционный состав субъектов норм (расширение круга нормализаторов) [12, 233–234]. Она выделяет 4 типа кодификации норм русского языка: консервативный, прогрессивный, радикальный и ошибочный. Консервативная кодификация «связана с "уходящей" нормой, воспринимаемой социумом в качестве элитарной», но не востребована массовым носителем («Очевидно, такая кодификация опирается на принцип, который можно сформулировать так: норма жива, пока жив ее последний носитель» [12, 234]). Прогрессивный тип «делает наглядной смену норм, мену местами вариантов, появление новых фактов языка» [12, 234], т. е. фиксирует как актуальное состояние, так и развивающиеся тенденции языка. Радикальная кодификация предлагает «неожиданные решения, которые затем медленно входят в практику или отвергаются социумом, не отличается единообразием» [12, 234], новшества могут впоследствии приниматься обществом, а могут и не прижиться. Ранее субъектами нормы были писатели-классики и те из современных писателей, которые продолжают классические традиции, образованные носители русского языка, лингвисты, учителя-русисты. Теперь к этому кругу нормализаторов добавились представители высшей власти, политики, общественные деятели, журналисты («медиа-нормализаторы»), соответственно, давление узуса на норму усилилось: «СМК в силу отсутствия редактуры имеют возможность навязывания речевой нормы всему языковому сообществу одномоментным и безальтернативным введением в медиакommunikation одного случайного варианта употребления» [12, 235].

В рамках дескриптивного («описательного») подхода к кодификации реальная языковая практика намеренно отражается со всеми ее разнородными фактами, в том числе с теми, которые выходят за рамки действующей нормы. Крайней точкой такого подхода является полное отрицание норм. Прескриптивный («предписывающий») подход требует неукоснительного исполнения зафиксированной словарями литературной нормы. Его достоинство в том, что норма тогда может лучше выполнять интегрирующую и аккумулятивную функцию: «Литературный язык объединяет поколения людей, и поэтому его нормы, обеспечивающие преемственность культурно-речевых традиций, должны быть как можно более устойчивыми, стабильными. Таким образом, следует признать, что "плавающие", "гибкие", "расшатанные" нормы не будут выполнять прежде всего этой важной функции – функции преемственности речевых и культурных традиций, функции связи поколений, что и приводит к разрыву социокультурной традиции» [10, 78–79]. Однако радикальный прескриптивизм может превратиться в пуризм – борьбу за «чистоту языка», не приемлющую никакие нововведения и изменения в нем.

Лексикографические источники обычно ретроспективны и, как правило, не успевают за подвижной нормой, которая может продолжать меняться и после их выхода в свет: «Границы употребления вариантов неустойчивы: часто стилистически

ограниченные варианты становятся общеупотребительными или, наоборот, некогда распространенные варианты в современном употреблении ограничиваются узкими функциональными стилями речи. Подвижность и зыбкость стилистических границ обуславливают известную приблизительность, условность стилистических оценок» [9, 14]. К тому же, именно в общественной речевой практике выкристаллизовываются новые нормы, вследствие чего современная кодификаторская деятельность обычно следует за ней, а не впереди нее, как это было принято веками ранее. Несовпадение концептуальных подходов кодификаторов также «объясняется тем, что словари и грамматики – результат интерпретации материала, которая по определению не может быть безукоризненно точной и однозначной» [10, 10]; «лексикография – дело в известной степени субъективное» [10, 130].

Вопрос конкуренции форм множественного числа именительного (а для неодушевленных имен существительных и винительного) падежа давно привлекает внимание языковедов. Так, Д.Э. Розенталь, ссылаясь на неуклонный рост форм на ударяемое *-а/-я* со времен «Российской грамматики» (1755) М.В. Ломоносова (в «Русской грамматике» (1831) А.Х. Востокова зафиксировано около 70 вариантных пар, в работе В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (1915) – уже около 150), приходит в выводу о продуктивности данной словоизменительной модели [14, 124]. К.С. Горбачевич отмечает продуктивность и перспективность форм на *-а* [6, 182–183], длительность борьбы старой (с флексией *-ы/-и*) и новой (с флексией *-а/-я*) нормы, а также сфокусированность внимания широких социальных слоев на обсуждении этой темы: «Поистине драматической страницей в русистике остается судьба форм именительного множественного на *-ы (-и)* и *-а (-я)*. Горячие споры о правомерности употребления новых вариантов на *-а (-я)* не стихают уже более столетия и вышли за стены научных учреждений и учебных аудиторий» [7, 188]. Можно полностью согласиться с тем, что «заинтересованное и неоднозначное отношение языкового сообщества к лингвистическому регулированию лишь подтверждает социальную значимость соблюдения языковых норм или отклонения от них» [1, 21].

Н.В. Соловьев в комментариях на данную тему пишет о непоследовательности процесса распространения форм с флексией *-а (-я)* во множественном числе: «а) в одних словах закрепились формы на *-а/-я*, полностью вытеснив формы на *-ы/-и*, например: *берега, жернова, тома*; б) в других – равноправно сосуществуют обе формы, например: *теноры – тенора, секторы – сектора*; в) в третьих – литературной по-прежнему признается только форма на *-ы/-и*, а формы на *-а/-я* имеют сниженный (просторечный или разговорный) характер; г) в четвертых – литературной признается форма на *-а/-я*, а формы на *-ы/-и* хотя и существуют, но считаются устаревающими или устаревшими, например: *директора – директоры, вензеля – вензели*» [18, 699].

Н.А. Еськова окончания *-ы (-и)* существительных мужского рода относит к «стандартным», а окончания *-а (-я)* – к «нестандартным» [11, 518]. Однако, на наш взгляд, такие определения были уместны, когда вариант на *-а/-я* только начинал проникать в литературный язык из устной разговорной и профессиональной речи. На сегодняшний день, когда парадигмы многих существительных перестали быть избыточными, сохранив именно форму на *-а/-я* в качестве единственно возможной, она также получила право называться «стандартной». Мы будем говорить о старой (старшей) норме, имея в виду вариант на *-ы/-и*, и о новой (младшей) норме, подразумевая под ней вариант на *-а/-я*.

Цель нашей статьи – на материале сведений, извлеченных из лексикографических источников середины XX – начала XXI в., определить модификации литературной нормы и охарактеризовать дублетные формы

именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода с точки зрения сокращения или сохранения их конкуренции по отношению к норме.

Об актуальности и перспективности подобных исследований упоминает Н.Д. Голев в обширной обзорной статье: «Полагаем, что фиксация изменения вариантов и его научное объяснение – важная перспектива вариантологии: например, такая фиксация осуществлена в 1976 году авторами частотно-стилистического словаря вариантов, в котором количественно зафиксировано состояние конкуренции словообразовательных, морфологических и синтаксических вариантов в русской речи 1970-х годов [Граудина и др., 1976]. Проведение на данном материале аналогичных исследований в современную эпоху дало бы возможность диахронического сопоставления и позволило бы выявить важнейшие тенденции развития русского языка» [5, 102–103].

В своем исследовании мы определили в качестве базового источника специализированный академический словарь Л.К. Граудиной, В.А. Ицковича, Л.П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» (далее ГПРР), опубликованный в 1976 г. [8], и его стереотипное третье издание 2008 г., напечатанное по исправленному и дополненному в 2001 г. «Словарю грамматических вариантов русского языка» (далее СГВРЯ) [9], по которым составили перечень нормативно равноценных, полностью взаимозаменяемых вариантных форм множественного числа именительного падежа следующих имен существительных: *альт, бункер, веер, вектор, вензель, вымпел, год, дьякон, корректор, крендель, лекарь, месяц, невод, откуп, отпуск, пекарь, писарь, пойнтер, полутон, порох, прожектор, пропуск, пудель, редуктор, сектор, станель, тендер, тенор, тон, тормоз, трактор, фельдъегерь, флигель, хлев, цех, шкипер, инициель, шомпол, штепсель, штурм, ястреб, ячмень*. Случаев несовпадения между двумя изданиями (временной промежуток – 25 лет) в составе и квалификации вариантов было немного: пара *вымпелы* и *вымпела*, отмеченная в ГПРР, отсутствует в СГВРЯ; единственно возможная форма *пойнтера, пороха, пропуски* (ГПРР) в СГВРЯ уже конкурирует с формой *пойнтеры, порохи, пропуска*; равноправная вариантность, показанная в ГПРР для пары *тракторы – трактора*, снимается в СГВРЯ стилистической пометой (*разг.*) для формы *трактора*. Затем нами было проверено, какие лингвистические сведения об искомых формах данных лексем представлены в других авторитетных лексикографических источниках второй половины XX – начала XXI в., содержащих в словарных статьях указания на грамматические формы и трудные случаи их употребления: «Словарь русского языка» (далее СРЯ) 1953 г. С.И. Ожегова [15]; «Словарь современного русского литературного языка» (далее БАС) 1950–1965 гг. [17]; словарь «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (далее ТСиВНРЛЯ) 1973 г. под редакцией К.С. Горбачевича [19]; «Словарь русского языка» (далее МАС) 1981–1984 гг. под редакцией А.П. Евгеньевой [16]; шестое издание «Краткого словаря трудностей русского языка» (далее КСТРЯ) 2008 г. Н.А. Еськовой [11]; «Словарь правильной русской речи» (далее СПРР) 2008 г. Н.В. Соловьева [18]; «Большой толковый словарь русского языка» (далее БТСРЯ) (первое издание вышло в 1998 г.) С.А. Кузнецова, размещенный на портале Грамота.ру в авторской редакции 2014 г. [4]; «Большой академический словарь русского языка» (далее БАСРЯ) 2004–2021 гг. под редакцией К.С. Горбачевича, А.С. Герда (издание продолжается) [3].

Анализ лексикографических источников показывает, что для форм множественного числа лексем *альт, месяц, тендер* из полученного списка наблюдается полное устранение вариантности в пользу старшей нормы. В ТСиВНРЛЯ для варианта

альта используется запретительная помета (*не -а*), регистрирующая нарушение нормы. Вариант *месяца* в КСТРЯ оценивается как резко противоречащий литературной норме и снабжается пометой *неправильно*. В БАС, ТСиВНРЛЯ и БАСРЯ этот вариант характеризуется как просторечный. Форма *тендера* в ТСиВНРЛЯ расценивается как просторечная, а в КСТРЯ – как употребляемая в профессиональной речи.

Почти исчезла вариантность и в парах *веера – вееры*, *вензеля – вензели*, однако сокращение конкуренции этих вариантов связано с закреплением младшей нормы на *-а/-я*. В ТСиВНРЛЯ, СПРР, БАСРЯ для формы на *-ы/-и* имеются пометы, указывающие на хронологическое расслоение форм (*устаревающее*, *уходящее*). Новая норма установилась и для лексемы *откуп* (лишь в ГПРР и СГВРЯ отражено равноправие ее вариантов), и для лексемы *хлев*: ее варианты активно сталкивались до 80-х гг. XX в. (СРЯ, БАС, ТСиВНРЛЯ, ГПРР, СГВРЯ), затем победил вариант с флексией на *-а* (МАС, КСТРЯ, БТСРЯ), в СПРР старая норма еще представлена, но как уходящая.

Для некоторых лексем, пришедших из профессиональной речи, в словарях отсутствуют рекомендации по поводу нормативной формы множественного числа. Слово *вектор* подано в некоторых источниках (СРЯ, БАСРЯ) с пометой *специальное*. В качестве равноправных вариантов *векторы* и *вектора* рассматривают только авторы СПРР и СГВРЯ. В остальных лексикографических изданиях или отсутствует указание на форму множественного числа именительного падежа (СРЯ, БАС, МАС, БТСРЯ), или наличествует помета, ограничивающая сферу употребления варианта на *-а* (ТСиВНРЛЯ, СПРР, КСТРЯ, БАСРЯ), который может использоваться в профессиональной среде (у математиков), но не соответствует общелитературной норме. В СРЯ, БАС, ТСиВНРЛЯ, МАС нет сведений об образовании формы множественного числа лексемы *порох*, а в словарях, созданных в начале XXI в. (СПРР, БТСРЯ, БАСРЯ), для формы на *-а* предписывается функционально-стилевое (*в проф. речи, спец., проф.*) и семантическое (для обозначения различных сортов) ограничение, т.е. форма множественного числа может быть образована (при этом произойдет конкретизация вещественного значения существительного), но она все равно останется вне сферы общего употребления, за пределами литературной нормы. Равноправные варианты *редукторы – редуктора* представлены только в ГПРР и СГВРЯ. В других словарях либо отсутствуют сведения о нормативной форме множественного числа этой лексемы (БАС, МАС, СПРР, БТСРЯ, БАСРЯ), либо нет самой лексемы (СРЯ, ТСиВНРЛЯ, КСТРЯ).

По поводу вариантов *бункеры – бункера*, *шпенсели – шпенселя* рекомендации лексикографов разнятся: в БАС и МАС предлагается одна нормативная форма на *-а/-я*, в большинстве других источников признается равноправие обеих форм, а в СПРР (*бункера*, *шпенселя*) и БАСРЯ (*бункера*) эта новая норма снабжена пометой *разг.*, свидетельствующей о размежевании вариантов по стилистической окрашенности. В паре *шомпола – шомполы* большинство словарей показывает конкуренцию между формами, только КСТРЯ считает форму на *-а* единственно правильной. Похожие данные представлены о вариантах форм лексемы *невод*. По мнению авторов МАС, единственная нормативная форма – на *-а*. В БАС основная словарная статья не содержит указаний на форму множественного числа именительного падежа, но в справочном отделе форма на *-ы* признается устарелой. А в СПРР, наоборот, у формы на *-а* стоит помета *разговорное*, в ТСиВНРЛЯ она подается с пометой *допустимо*. В пяти из рассмотренных словарей (СРЯ, БАС, МАС, БТСРЯ, БАСРЯ) указание на форму множественного числа именительного падежа лексемы *пойнтер* (лексическое значение 'порода крупных охотничьих собак с гладкой, короткой шерстью; собака такой породы' [4]) отсутствует, в других содержатся противоречивые сведения: в СГВРЯ и

КСТРЯ дублеты *пойнтеры* и *пойнтера* конкурируют, в ГПРР – нормативна только форма на *-а*, которая в СПРР в то же время имеет помету *разговорное*. Эти варианты предстоит верифицировать на узуальном речевом материале (см., например, подобное исследование форм *прожсекторы – прожсектора*, *секторы – сектора* на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка в [2]).

Для одушевленных существительных, называющих лиц по профессии и роду деятельности, характерно доминирование (в разной степени) варианта, отражающего старую норму: *дьяконы*, *лекари* (в СПРР – единственно возможные формы), *корректоры* (у формы на *-а* помета *разг.* в ТСивНРЛЯ, СПРР, БАСРЯ), *шкиперы* (у формы на *-а* помета *разг.* в БАС, помета *проф.* в ТСивНРЛЯ, КСТРЯ), *пекари* (у формы на *-я* помета *разг.* в ТСивНРЛЯ, СПРР), *писари* (у формы на *-я* помета *разг.* в БАС, СПРР, БАСРЯ, помета *допуст. устар.* в КСТРЯ, но в ТСивНРЛЯ устаревающей названа форма на *-и*), *фельдъегери* (у формы на *-я* помета *разг.* в СПРР). Только для пары *тенора – теноры* сохранение старой нормы практически не поддерживается словарями: в БАС, МАС как единственная нормативная представлена форма на *-а*, в ТСивНРЛЯ форма на *-ы* признана устаревающей, в КСТРЯ – допустимой, в СПРР, наоборот, основной, а форма на *-а* – разговорной.

В парах одушевленных существительных, называющих животных, продолжается конкуренция с незначительным перевесом в пользу старой нормы: *пудели* (форма на *-я* в ТСивНРЛЯ признана допустимой, в СПРР – разговорной), *ястребы* (у формы на *-а* имеется помета *разг.* в СПРР). Интересно, что в БТСРЯ для использования лексемы *ястреб* в недавно появившемся значении 'об агрессивно настроенных сторонниках усиления военной мощи государства' имеется грамматическая помета *обычно мн.* и в качестве единственно возможной предлагается форма *ястребы*, тогда как для употребления в значении 'хищная лесная птица с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями' нормативны обе дублетные формы [4].

Перераспределение значений, уменьшающее семантическую перегруженность формы множественного числа, можно наблюдать у лексем *отпуск*, *полутон*, *пропуск*, *тон*, *тормоз*, *цех*, *ячмень*. Так, в СРЯ полисемант *пропуск* только в значении 'документ на право входа, въезда куда-н.' имеет вариантные формы множественного числа с флексиями *-и* и *-а*; в значении с пометой *спец.* 'условленное секретное слово, к-рое произносится приближающимся и служит для воинского поста средством узнать своих; пароль' употребляется с флексией *-а*, в значениях 'непосещение (собраний, занятий и т.п.)', 'не заполненное, не занятое чем-н. место' – с флексией *-и* [15, 566]. Семантическое размежевание наблюдается в СРЯ и у лексемы *тормоз*. В значении 'прибор для замедления или остановки движения машины, поезда и т.п.' предлагается использовать флексию *-а*, в переносном значении 'помеха, препятствие в развитии чего-н.' – флексию *-ы* [15, 743]. В КСТРЯ для слова *ячмень* со значением 'хлебный злак' имеется грамматическая помета *мн. нет*, а для его омонима *ячмень* со значением 'гнойное воспаление на веке' в качестве единственно возможной предлагается форма с ударным окончанием *-и* [11, 506]. Формы *годы – года* многозначного слова *год* остаются по-прежнему вариантными, однако если в БАС, МАС, БАСРЯ отмечается только одна позиция, при которой вариантность полностью устраняется (в сочетании с порядковыми числительными единственной формой может быть *годы*), то в БТСРЯ их уже две: «2) *мн.*: *го́ды, годо́в*. Промежуток времени, в который завершается цикл каких-л. работ, занятий. *Учебный год. Сельскохозяйственный год. Финансовый год.* 3) только *мн.*: *го́ды, годо́в* с порядк. числ. Промежуток времени в пределах десятилетия. *Люди сороковых годов. Девяностые годы двадцатого века*» [4].

Продолжается конкуренция в парах *вымпелы – вымпела, крендели – кренделя, прожекторы – прожектора, секторы – сектора, тракторы – трактора, инициели – инициеля, ишормы – ишорма*. Как разговорные подаются формы *сектора* (СПРР, БАСРЯ), *трактора* (СГВРЯ, СПРР), *инициеля* (ТСиВНРЛЯ, СПРР), *вымпела* (СПРР), *прожектора* (СПРР), *ишорма* (СПРР), *кренделя* (ТСиВНРЛЯ); варианты *вымпела* (ТСиВНРЛЯ, КСТРЯ), *ишорма* (ТСиВНРЛЯ, КСТРЯ), *сектора* (ТСиВНРЛЯ), *инициеля* (КСТРЯ) рассматриваются как допустимые, что, хотя и делает их менее желательными, однако оставляет стилистически не ограниченными. Только в БТСРЯ форма *ишорма* описывается как принадлежащая профессиональной речи. В СРЯ, БАС, МАС, БТСРЯ отсутствуют указания по поводу формы множественного числа лексемы *инициель*, в СРЯ, БАС, МАС – лексемы *ишорм*. Конкурируют, но с поворотом к новой норме, и формы *стапеля – стапели, флигеля – флигели*. В ТСиВНРЛЯ и СПРР отмечается, что форма *стапели* постепенно уходит из употребления.

Таким образом, полное или частичное сокращение вариантности и закрепление одного из вариантов в качестве нормативного, по данным лексикографических источников середины XX – начала XXI в., произошло в парах *альты – альта, месяцы – месяца, тендеры – тендера, веера – веры, вензеля – вензели, откупа – откупы, хлева – хлевы*. Для лексем *отпуск, полутон, пропуск, тон, тормоз, цех, ячмень* характерно стремление к семантической дифференциации форм множественного числа именительного падежа, что также способствует устранению их конкуренции.

Варианты, кодификационный статус которых противоречив (*бункеры – бункера, ишепсели – ишепселя, ишомпола – ишомполы, невода – неводы, тенора – теноры, писари – писаря, пойнтера – пойнтеры* и др.), равноправные варианты, в которых, по мнению авторов большинства лексикографических источников, сохраняется конкуренция (*вымпелы – вымпела, крендели – кренделя, прожекторы – прожектора, секторы – сектора, тракторы – трактора, инициели – инициеля, ишормы – ишорма, годы – года, дяконы – дякона, лекари – лекаря, корректоры – корректора, икиперы – икипера, пекари – пекаря, фельдъегери – фельдъегеря, пудели – пуделя, ястребы – ястреба* и др.), варианты, по поводу которых в некоторых словарях отсутствуют сведения об их употреблении в форме множественного числа (*редукторы – редуктора, инициели – инициеля, ишормы – ишорма, дяконы – дякона, пойнтера – пойнтеры* и др.), требуют более пристального рассмотрения. Их верификация на живом речевом материале может привести к существенному дополнению или переоценке рекомендаций лексикографов.

1. Бойко Л.Б. «Язык изломан? Что ж! – Глядите». О некоторых аспектах регулирования в языке // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 8–23.

2. Болтовская Е.А. Конкуренция морфологических вариантов имен существительных в современном русском языке (на примере форм множественного числа именительного падежа) // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: сб. науч. тр. XI Междунар. науч. конф., Брест, 17–18 нояб. 2023 г. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина; под общ. ред. О.Б. Переход. Брест, 2024. С. 94–98.

3. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М., СПб., 2004–2021 (издание продолжается).

4. Большой толковый словарь русского языка: А–Я: Ин-т лингв. исслед. РАН / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 29.02.2024).

5. Голев Н.Д. Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 8. С. 86–125.

6. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

7. Горбачевич К.С. *Нормы современного русского литературного языка*. М., 1978.
8. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. М., 1976.
9. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. *Словарь грамматических вариантов русского языка* / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стер. М., 2008.
10. Гудков Д.Б., Скороходова Е.Ю. *О русском языке и не только о нем*. М., 2010.
11. Еськова Н.А. *Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение: ок. 12 000 слов соврем. рус. яз. 6-е изд., испр.* М., 2008.
12. Константинова А.Ю. *Процессы нормализации русского языка и современные субъекты нормы* // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4(59). С. 233–236.
13. Крысин Л.П. *К соотношению системы языка, его нормы и узуса* // Коммуникативные исследования. 2017. № 2(12). С. 20–31.
14. Розенталь Д.Э. *Справочник по русскому языку. Практическая стилистика*. М., 2004.
15. *Словарь русского языка* / сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. С.П. Обнорского. 3-е изд. М., 1953.
16. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой*. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
17. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин*. М., Л., 1950–1965.
18. Соловьев Н.В. *Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов: более 400 коммент.* / Ин-т лингв. исслед. РАН. М., 2008.
19. *Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник* / под ред. К.С. Горбачевича. Л., 1973.